

Л.И. МАРШЕВА

Москва

Из истории русских переводов Священного Писания

Статья посвящена анализу основных этапов и стратегий, связанных с переводами священных и богослужебных книг на живой русский язык («простую мову», «российскую беседу», «славенороссийский») на Руси и в России.

Ключевые слова: церковнославянский язык; язык богослужения; перевод; книжная справка; Священное Писание; гимнография.

Обращаясь к опытам русского богослужебного перевода на раннем историческом этапе, нужно сказать: частные попытки в этом роде, несомненно, бывали и ранее, примером чего является так называемое Галичское, или Крылосское, Евангелие 1144 г. Кроме того, существовало и развивалось парафразирование, например известен канон на Рождество Христово в Минее рубежа XII–XIII вв. и парафраз минейной службы, сделанный справщиком и переводчиком, чудовским иноком Евфимием в конце XVII в. При этом церковнославянский текст для облегчения понимания часто пересказывается своими словами.

Как известно, ко времени начала книгопечатания Киевская и Московская Русь были разъединены и государственно (первая была под властью Польско-Литовского государства), и церковно-административно (в Киеве и Москве были свои самостоятельные митрополиты), и до некоторой степени культурно. Все это сказалось как на книжности, так и на переводческой деятельности, которая началась раньше на Юго-Западной Руси. С XVI в. там появляются переводы Писания, причем некоторые из них сделаны

непосредственно с церковнославянского текста; так, например, Пересопницкое Евангелие было переведено в 1556–1561 гг. «из языка болгарского на мову русскую», т.е. с церковнославянского на «простую мову» – книжный язык, возникший на основе государственно-канцелярского языка Юго-Западной Руси во второй половине XVI в. Тогда же там стали издавать параллельные тексты на церковнославянском и на «простой мове», а во второй половине XVII в. «простой» язык вытесняет церковнославянский из книжности и серьезно конкурирует с ним и в богослужении.

Вдохновителем дела переводов стал киевский митрополит Петр Могила, именем которого обозначают целую эпоху в истории Западнорусской Церкви и культуры, со своими подвижниками.

Так, в Киево-Печерской лавре в то время переводят для использования в богослужении некоторые церковные молитвы и определенные части богослужебных книг. В Постной Триоди 1627 г. синаксари переведены игуменом Тарасием Земкой на «российскую беседу общую» («сотворися се ревностью и желанием рода нашего, Малой России благородных, гражданских и прочих различного причта людей, не учившихся словенского языка»). В Требнике 1646 г. есть целые такие разделы, даются даже особые указания об использовании простой мо-

*Маршева Лариса Ивановна, доктор филол. наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
E-mail: pstgi@pstgu.ru*

вы в некоторых частях богослужения (см.: [Сове 1970: 36]).

Тогда же начинается дискуссия о языке богослужения. Известный униатский архиепископ Иосафат (Кунцевич) призывал свое духовенство не служить на простой мове (молитвы, ектеньи), допуская лишь чтение поучений за богослужением на этом языке.

Книги юго-западной печати с использованием «русской мовы» хранились и использовались – как дониконовские – и у старообрядцев.

Во второй половине XVII в. начинается массовое проникновение юго-западнорусской культуры, в том числе и книжности, и на великорусские земли. Непосредственным образцом для Славяно-греко-латинской академии становится Киево-Могилянская академия. Но нельзя забывать, что еще в 1630-х гг. в челобитной патриарху Иоасафу I нижегородское духовенство требовало устранить неисправность богослужения (как одну из причин нравственного упадка в народе), а в конце XVII в. уже входит в употребление так называемый гибридный церковнославянский язык с близкими к современным синтаксисом и лексикой; в 1683 г. Авраамием Фирсовым на него была переведена Псалтирь.

Церковная традиция переводов священных, в том числе богослужебных, книг на русский язык возникла во второй половине XVIII в., в контексте резко изменившейся с правлением Петра I языковой ситуации. Рождается гражданская азбука, а потом и новый язык как синтез церковнославянского и живого русского – «славенороссийский» русский литературный язык. Именно тогда язык Священного Писания, богослужения и проповеди, святоотеческих и душеполезных книг, богословия и богословского образования окончательно перестал удовлетворять церковным нуждам, и в первую очередь – пастырской заботе о просвещении народа. Не случайно все прославленные Церковью архиереи XVIII–XIX вв. занимались переводами. Петр же провел и унификацию книг: киевские книги должны были быть приведены в соответствие с книгами московской печати.

Во второй половине XVIII в. перевод с церковнославянского на русский постепенно распространяется на все жанры духовной литературы, начиная с проповеди. Начали переходить на русский в проповеди епископ Псковский Гедеон (Криновский) и продолжатели его дела: митрополиты Московский Платон (Левшин) и Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (Петров).

В то же время святой Тихон Задонский издает душеполезную литературу на русском языке. Он же считал необходимым «перевести Новый Завет с греческого языка на нынешний стиль, дабы простолудинам было внятно и чтобы для полезного чтения многих выпечатано было на одной стороне, как ныне есть, славянски, а на другой – внятным переводом» (цит. по: [Сове 1970: 38]).

Митрополит Платон, более всех потрясшийся в становлении русского церковного языка, пишет и издает в 1765 г. «Православное учение» на русском языке, в 1766 г. – перевод бесед Иоанна Златоуста на книгу Бытия: «В переводе не употребили мы совсем славенский язык, дабы перевод наш не показался многим темен и невразумителен» [Там же]. Язык перевода следует образцу, утвержденному в светской литературе. В предисловии высказывается пожелание, чтобы беседы читались в храмах Великим Постом. В 1775 г. выходит «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни», значительная часть которых принадлежит самому митрополиту Платону. Эти поучения должны были читаться во всех храмах. В предисловии к изданию, написанном от лица Синода, объясняется недостаточность старых изданий, потому что они «в некоторых местах темны, переводом не зело добрым затруднены, которую темноту умножает и слог славенского языка: и потому не токмо простому народу, но иногда и ученым невразумительны, или когда несколько и понятно, но по слогу древнему и неясности... не зело усладительны и побудительны» [Там же].

В 1782 г. появляется агиографическая литература на русском языке: митропо-

лит Платон составляет и издает житие преп. Сергия.

В становлении русского богослужебного языка было два направления: стихотворные переводы и переложения псалмов и молитв (что имело свои корни еще в виршевом творчестве XVII в.) и переводы богослужебных текстов для церковного или домашнего употребления.

Первый перевод (из-за невразумительности) на русский литературный язык богослужебных текстов (ирмосы и степенны) был опубликован в 1776 г. в «Церковном словаре» (первом церковнославянском словаре) катехизатора Московского университета, академика, протопресвитера Архангельского собора Петра Алексева. Ректор Московской духовной академии, архимандрит Мефодий (Смирнов), впоследствии архиепископ Псковский, в 1794 г. опубликовал свой перевод: первую новозаветную книгу на русском языке – «Послание к римлянам апостола Павла».

В это же время протекала чрезвычайно важная для Церкви переводческая и текстологическая работа преп. Паисия Величковского и его учеников, заново открывших жизненную необходимость руководствоваться Евангелием и наследием святых отцов, для чего постоянно необходимы новые – улучшенные – переводы.

Несомненно, что традиция книжной sprawy в России после Писания приостановилась в своем развитии. Однако не исключено, что в прямой связи с этим в период конца XVIII и особенно в XIX в. получила более интенсивное развитие традиция русских переводов текстов Священного Писания и богослужения.

В Высочайшем повелении 1816 г. было указано: «Доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке, яко вразумительнейшем для них славянского наречия» [Коробин, Михайлова 1999: 34]. Даже тогдашние противники новых веяний уже отмечали непонимание церковнославянского языка современниками.

Так, митрополит Серафим (Глаголевский) соглашался с тем, что «малые дети» не знакомы «вовсе со славянским языком» [Там же]. И если представители

высших кругов общества выходили из положения (император Александр I читал Новый Завет во французском переводе, а его ближайший советник М. Сперанский советовал своей дочери в трудных случаях обращаться к английскому переводу), то простому и необразованному народу приходилось намного сложнее – непонимание им церковнославянского языка Библии и православного богослужения остро ощущалось уже тогда.

Об этом свидетельствуют, например, письма прославленного алтайского миссионера – преп. Макария (Глухарева), человека, имеющего непосредственное отношение к опытам перевода Библии на русский язык и немало за это пострадавшего. В одном из своих писем он настаивает: «Не поставляет ли препятствия для миллионов между россиянами к Божественному врачевству буква славянская. Не надлежит ли нам быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа?.. Славянское наречие сделалось у нас не только мертвым, но и для большей части народа невразумительным». В 1837 г. преподобный писал в своем прошении государю: «Ныне славянский язык сделался у нас мертвым; на нем никто не говорит у нас и не пишет; число людей, разумеющих его в Св. Писании, мало перед миллионами неразумющих, среди которых большое количество служителей Церкви» [Там же].

Главным же основоположником и ведущим строителем русской церковно-переводческой деятельности в описываемый период стал выдающийся ученик митрополита Платона – святой Филарет Московский. Во многом именно его трудами в XIX в. был осуществлен перевод Священного Писания на русский язык. Однако дело перевода Библии на русский язык и его издания в начале XIX столетия было сопряжено с огромными трудностями и неприятностями для Филарета и его сподвижников. Ср. несколько характерных высказываний Филарета:

Святой апостол Павел учит, что не в словах Царство Божие, но в силе. (1 Кор. 4, 20); не станем без нужды возбуждать разделяющие прекословия о разностях слов, когда они ведут к единой силе Царства Божия.

Величие Св. Писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности... Тщательно наблюдать должно дух речи, дабы разговор перелагать слогом разговорным, повествование повествовательным, и так далее.

Текст псалма приводится на русском; на что дразнить без нужды людей, когда сего не хотят? Разве не довольно, что Московская духовная академия была оклеветана в нововведении сего рода? Разве надобно давать оружие клятве? (цит. по: [Сове 1970: 41]).

Среди противников перевода Библии на русский язык был адмирал А.С. Шишков, который «отрицал самое существование русского языка», русский библейский перевод считал «перекладкою Слова Божия с наречия высокого и важного на этот низкий стиль, на этот язык театра и страстей», а «самая мысль о переводе Библии» ему «представлялась злейшей ересью». Святой Филарет с горечью писал: «Восстание против... перевода Св. Книг образовали люди, водимые личными видами. <...>; Дым ест глаза, а они говорят: так едок солнечный свет. Задыхаются от дыма, и с трудом выговаривают: как вредна вода от источника жизни» [Там же].

Несмотря на угрозу неизбежных репрессий, Филарет воспротивился решению обер-прокурора Синода графа Н.А. Протасова «законодательно утвердить как единственно канонический в Российской Церкви церковнославянский текст Священного Писания... увидев тут прямой вред для Церкви, энергично противопоставил этому... и внес в Синод записку “О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания” (1845), которая и была принята в руководство, когда был возобновлен перевод Ветхого Завета» [Коробьин, Михайлов 1999: 34].

Однако такое упорное и даже яростное противодействие делу русского перевода Библии со стороны некоторых представителей реакционно настроенных высших церковных и государственных кругов, вероятно, вынудило святителя быть гораздо более сдержанным и осторож-

ным в своих опытах русских переводов и исправлений богослужебных текстов. Разумеется, в такой ситуации сама мысль, о какой бы то ни было возможной русификации богослужения тоже по этой причине не могла быть открыто высказана вплоть до конца XIX в.

Та корректность, с которой святитель все же предпринимал свои собственные опыты перевода богослужебных текстов на русский язык и справы богослужебных книг, является типичным для отношения высшей церковной иерархии к делу исправления богослужебных книг в середине XIX в.

Занимался святитель и исправлением церковнославянского текста богослужебных книг. После его кончины (1867) «у него остались два месяца служебной мины на греческом языке, взятых у нас для исправления некоторых мест в наших богослужебных книгах» [Сове 1970: 44].

Филарет писал своему духовнику, наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву): «В службе мне хотелось соединить славянский род речи с ясностью. Поэтому я иногда переменял порядок слов и некоторые слова употреблял несколько новые вместо более древних, темных или обоядных для нашего понятия» (цит. по: [Коробьин, Михайлова 1999: 36]).

Этого принципа он придерживался и в собственном литургическом творчестве. Показательны, например, и начало тропаря своему небесному покровителю св. праведному Филарету Милостивому (из написанной им службы, употреблявшейся в Троице-Сергиевой Лавре и в Оптиной пустыни), и начало стихотворного переложения кондака Преображению:

Аврааму в вере подражая,

Иову же в терпении последую...

И Преобразился днеш Ты на горе, Христе,
И славу там Твои ученики узрели [Там же].

Таким образом, приходится признать, что язык, который использовал святитель в своем литургическом творчестве, скорее русский, чем церковнославянский, или, по меньшей мере, вполне удачное соединение «славянского рода речи с ясностью». И это вполне понятно и естест-

венно в контексте того, что Филарет всю жизнь боролся за русский язык, – и в Библии, и в преподавании.

С самого начала XIX в. продолжала развиваться традиция русских (стихотворных в том числе) переводов и переложений тех литургических текстов, которые народ любил более всего. Если, например, во второй половине XVIII в. протоиерей Петр Алексеев делал стихотворные переводы ирмосов и степени некоторых двенадцатых праздников, то в начале XIX в. «слепой священник Константино-Еленинской церкви при градских богадельнях в Санкт-Петербурге Гавриил Пакатский (или Пакостский), близкий Державину... перевел стихами всю Псалтырь», а «через десять лет после этого опубликовал в 1829 г. первую богослужебную книгу на русском языке – Великий покаянный канон св. Андрея Критского в стихотворном переводе (всего же за неполный век были изданы, обычно на русском, иногда на “новом” славянском языке, кажется, не менее чем 15–20 переводов канона)» [Там же].

В 60-х гг. XIX в. некоторые богослужебные тексты переводил московский протоиерей Василий Петрович Нечаев (архиепископ Виссарион), но ему пришлось испытать крайне сдержанное отношение митрополита Филарета к этим его трудам.

Традиционно считается, что инициатива систематического перевода богослужебных текстов на русский язык в XIX в. принадлежит архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову), считавшему, что неудобовразумительность церковнославянских текстов происходит не от самого предмета, а от образа его изложения, т.е. от неточности и устарелости славянского перевода.

Надо сказать, что вторая половина 1820-х гг., когда святитель начинал свое служение, была крайне неблагоприятна для переводческой деятельности: именно тогда состоялся известный погром дела

церковных переводов. И тем не менее в конце 1820-х годов он, в то время архимандрит, инспектор Санкт-Петербургской духовной академии, зная отрицательное отношение властей к церковно-переводческой деятельности, вдохновил преподавателей греческого языка Михаила Богословского и Иоанна Колоколова начать переводы. В 1830-е гг. была опубликована значительная их часть, причем начинали с перевода наиболее неудобопонимаемого – канонов праздничных служб.

Подводя итоги, следует сказать: переводы священных и богослужебных книг на живой русский язык («простую мову», «российскую беседу», «славенороссийский») делались на Руси издревле. Преследовались при этом вполне разумные и понятные цели: «дабы простолюдинам было внятно», «для полезного чтения многих», «дабы перевод не показался многим темен и невразумителен».

Живой русский язык постепенно проникал и в богослужение. Он оказывал влияние на церковнославянский язык (русификация церковнославянского – естественный языковой процесс в рамках славянского языка русского извода) и серьезно конкурировал с ним, а то и вытеснял его (из проповеди, например).

В середине XVII столетия в Юго-Западной Руси имела свое начало дискуссия о богослужебном языке. К началу же XIX столетия возникла церковная традиция переводов священных и богослужебных текстов на русский язык, которая получила свое драматическое развитие в XX – начале XXI в. и заслуживает отдельного, обстоятельного разговора.

ЛИТЕРАТУРА

Коробьин Г., Михайлова Н. Исправление богослужебных книг // Богослужебный язык Русской Церкви. – М., 1999.

Сове Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. – 1970. – № 5.